

УДК 398.91(470)

«СТОИТ БАРИН В УГОЛКУ, ПОДНЯЛ НОГИ К ПОТОЛКУ!»: ИРОНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОМЕЩИКА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ**«STOIT BARIN V UGOLKU, PODNIAL NOGI K POTOLKU!»: AN IRONIC IMAGE OF THE LANDLORDS IN RUSSIAN FOLK RIDDLES****В.А. Шаповалов, С.П. Шаповалова
V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются народные загадки в качестве исторического источника, раскрывающего посредством метафорической иронии, с точки зрения крестьян, существенные качества бар. Анализ народных загадок позволяет стратифицировать направленность иронии, адресованную отдельным категориям помещиков. Именно этот аспект делает народные загадки довольно интересным и информативным источником, применительно к межсословным отношениям, построению ассоциативного ряда при выборе метафор. Детальное рассмотрение загадок, в контексте социальных взаимосвязей, позволяет утверждать, что народная ирония в адрес помещиков имела несколько направленностей, некоторые из которых были асимметричны друг другу. Это, в свою очередь, иллюстрирует довольно сложный и противоречивый комплекс восприятия в крестьянской среде института помещичьей власти.

Resume. The article considers folk riddles as a historical source which renders, by means of metaphoric irony, the peasants view of key characteristics of the landlords. The analysis of folk riddles allows to distinguish the irony addressed to various strata among the landlords. It is this aspect that makes folk riddles an interesting and rather informative source on the inter-strata relationships; it includes, in particular, the study of metaphors chosen to characterize a certain stratum. The detailed research of the riddles in the context of social interactions reveals that the folk irony about the landlords targeted various things, at times quite asymmetric. This, in its turn, illustrates the complex perception of the landlord power among the peasants.

Ключевые слова: фольклор, ирония, загадки, метафора, дворянство, крестьянство.
Key words: folklore, irony, riddles, metaphor, nobility, peasantry.

В отличие от большинства фольклорных жанров в народных загадках не так широко представлены социальные отношения. Поэтому исследователи весьма редко обращаются к ним в качестве исторического источника. Тем не менее, в тех загадках, где социальные мотивы отражены, сюжетные линии многовариативны. Из более 7 тыс. загадок, проанализированных автором, в 65 образ боярина, барина (барыни), дворянина посредством метафоры увязан с каким-либо предметом, явлением природы, представителями флоры и фауны, редко действием.¹ В 24 (с вариациями) из них показывается «особая порода» бар, недоступная пониманию крестьян, подчеркивается магия образа господ-помещиков в крестьянском сознании; в 41 (вариациями) – неприкрытая ирония, насмешки над представителями «голубой крови»². Хотя в отдельных случаях социальную подоплеку метафоры «барыня» трудно определить. Данная ирония передается с помощью метафоры, отражающей суть определенных поведенческих стереотипов помещиков, закрепленных в массовом крестьянском сознании, преломляясь через призму насмешливого отношения. Именно этот социальный сюжет в народных загадках на примере метафорических образов бар и будет рассмотрен в настоящей статье.

Ирония угнетаемых к угнетателям в народном фольклоре носит универсальный характер, отличаясь спецификой этнической культуры на разных этапах её развития. По сути, это один из элементов социопсихологической защитной реакции слабых против сильных. Данный аспект,

¹ Загадки русские народные: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д.Н. Садовников. М., 1996; Рыбникова М.А. Загадки. М., 1932; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков / ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.Л., 1961; Русские народные загадки, пословицы, поговорки / сост. Ю.Г. Крутлов. М., 1990.

² Там же.

например, убедительно показал И.И. Толстой в статье «Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии»¹, применительно к крестьянам Древней Греции, но фольклорный социопсихологизм крестьянской иронии к власти держащим применим и к социальным отношениям в русской деревне. При анализе иронии в адрес бар необходимо учитывать особенность поэтизации обыденной жизни в загадке. Е.А. Костюхин весьма точно подмечает, как в свадебном обряде жених и невеста становятся на время князем и княгиней, так и в загадках обыкновенная кочерга становится копьём, стог сена – Егорием, опирающимся на копьё. Но загадка не только поэтизирует, но и депоэтизирует, её художественный закон – не поэтизация, а контраст: предметы бытовые уподобляются более возвышенным, а серьезные и высокие, напротив, заменяются бытовыми и даже подчеркнута сниженными². Например, поросята выступают аллегорией бояр³, барыня-лапши⁴.

Анализ загадок для историка, применительно к социальной сфере, имеет источниковедческую сложность. Для получения конкретных выводов или предположений загадку необходимо соотносить с каким-либо событийным рядом, историческим явлением, восприятием, то есть, погрузить её в историческую канву. Сопоставление фольклорных произведений с данными из исторических документов – один из основных приемов исторического изучения фольклора. В первую очередь это необходимо для ознакомления с историческими фактами, одинаковыми или сходными в фольклоре, или для извлечения фактов для исторического, бытового, лингвистического и т.д. комментирования исторических источников⁵. Но основной прием описания в загадке – метафора (уподобление по сходству). Искать исторические параллели здесь весьма затруднительно. Через метафорическое сопоставление с представителями определенной сословной общности, животного и растительного мира с предметами быта и явлений природы в загадке создается образ или действие далекое от реального мира. Например, «Через быка и барина свинья лен тащит» (Подметку подшивает в валенке льняной ниткой со свиной щетиной)⁶. В рассматриваемом контексте интересна аллегория бар с предметами и представителями неживого и живого мира. То есть, то что могло соотноситься в крестьянском сознании с помещиком, его властью. С другой стороны, фольклорные произведения, включая, загадки, возникают на почве реальной действительности, но они представляют собой изображение только определенных её сторон⁷, уходя от детализации, многоплановости⁸. Применительно к восприятию помещиков крестьянами, нахождение в загадке социопсихологической оценки может стать основой для более широких обобщений, касающихся социального антагонизма в русской деревне. В тоже время, необходимо отметить, что есть несколько загадок, в которых отгадка связана с образом помещика и священнослужителей (попами). Автору их известно не более десяти⁹. Но они не отражают общей жанровой сути загадок.

Перед тем как перейти к рассмотрению загадок, в которых выражена ирония в адрес бар, необходимо специально остановиться на метафоре «барыня», которая часто встречается в данных загадках. В.П. Аникин указывает, что традиционность загадок выражается в заметном присутствии в них устойчивой системы уподоблений и сравнений. К числу таких продуктивных метафор относятся «баба», «барыня», «мать», «старик» и т.д.¹⁰.

Метафору «барыня» здесь можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, она может относиться к красивой, дородной, социально защищенной женщине вообще и, во-вторых, к представительнице дворянского сословия. В загадках эту грань между ними весьма трудно провести, но, на наш взгляд, она существует. Собственно, это показывает социальный анализ загадок. К которому и перейдем.

В рассматриваемом плане примечательна следующая загадка (с вариациям):

На барыне сорок рубашек,
Ветер подует, спина голая¹¹;
На барыне сорок рубашек,
Ветер подует - спина голая будет¹²;
У барыни семьдесят семь платьев,
Выйдет на улицу – спина гола
(Курица)¹³.

¹ Толстой И.И. Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии // Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966. С. 73–79.

² Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 247.

³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 202.

⁴ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 296.

⁵ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 178.

⁶ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 307.

⁷ Чистов К.В. Указ. соч. С. 179.

⁸ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 91–92.

⁹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 245; Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 2007. С. 249.

¹⁰ Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М., 2004. С. 511.

¹¹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. С. 191.

¹² Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 260.

¹³ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 123.

Одежда всегда являлась и является важным внешним атрибутом социальной состоятельности. Американская исследовательница российской модной индустрии имперского периода Кристин Руан справедливо отмечает: «Одежда всегда помогала определению не только этнических, но и социальных групп»¹. Крестьян вряд ли можно было спутать с представителями дворянства, не считая, фактически маргиналов из нижних подгрупп поместных владельцев. Это различие проявлялось с первых дней жизни и присутствовало на протяжении всего жизненного цикла.

Для крестьян барские наряды были не понятны, чужды и, одновременно, загадочны, как собственно и весь социальный этикет благородного сословия. Чумазым крестьянским детям, в разодранной, с заплатками одежде, внешне противостояли барские дети, чьи наряды, кардинально отличались материалом, покроем и чистотой. Публицист 50-х гг. XIX века Ивановский-Елецкий описывает внешний вид дворянских детей, танцующих под музыку органа в сельской усадьбе: «Девочки в крахмальных шитых платьях, в кружевах и лентах, летали точно бабочки; мальчики, в нарядных рубашках, порхали за ними как пестрые и резвые мотыльки...»².

Начиная с XVIII века в дворянских поместьях французская мода господствует. Изменение уклада жизни русского дворянства, открытость домов, частые визиты друзей и соседей, заставляли хозяев всегда быть на чеку и выглядеть так, чтобы не вызвать замешательства у гостей.

Появилась необходимость в домашней одежде, простой, удобной, и, главное, модной.

В отличие от предшествующего периода, хозяйке дома приходилось по несколько раз в день менять платье, а, следовательно, иметь большой гардероб. По мере приближения обеда и ужина наряд все более усложнялся, декольтированные корсажи все более затягивались, накидывались большие шали – мантильи. Характерными становились наряды тесно облегающие фигуры, с широкими юбками³. Покрой и материалы крестьянской женской одежды, фактически не изменялись. Метаморфозы в господской одежде, в относительно столь короткий период времени, не могли не вызывать удивление, определенную иронию со стороны крестьян и дворовых. Ведь она, с их точки зрения, полностью была лишена практической целесообразности. Все это, вероятно, и нашло отражение в аллегории барыни с курицей, где перья последней ассоциируются с платьем (платьями), подчеркивая «странность» барских нарядов и их количество у одной владелицы. Предлоги «на и «у» в загадке подтверждают последнее. Здесь, по всей видимости, речь не идет об устойчивой метафоре «барыня», вне рамок сословной принадлежности, а прослеживается прямая аллегория с представительницей благородного сословия.

Загадка (с вариациями), где метафорически образ бояр, пьющих пиво (вино, мед) из бочки, соединен с образом свиньи, кормящей поросят, несомненно имеет ироничную подоплеку:

Бочка стонет,
А бояре пиво пьют.
(Свинья поросят кормит)⁴;
Бочка стонет,
Бояре пьют
а.....
Барчата пьют;
б.....
А бояре мед пьют;
Бочка пришла и стала,
А барчата цедят.
(Свинья с поросятами)⁵;
Бочка кречетъ.
Бояре вино пьют
(Свинья с поросятами)⁶.

Но данная ирония социально окрашена. Бояре, барчата в загадке пьют дорогие напитки, которые для крестьян являлись, практически, недоступными. Подчеркивается привилегированное положение первых. Но здесь это связано с особым отношением крестьян к новорожденным поросятам со свиньей, для которых ничего не жалели. То есть, поросята аллегорией были соединены с боярами (барчатами), которым в жизни, по мнению крестьян, доставалось все лучшее. Это подтверждают и народные пословицы: «Бояре в неволе у прихотей своих», «В боярский двор ворота широки, выход узок»⁷.

В отдельных похожих загадках одни и те же уподобления, например, репчатого лука с барыней, имеют различную социальную направленность. В загадке:

¹ Руан Кристин. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700–1917. М., 2011. С. 21.

² Ивановский-Елецкий Провинциальные типы // Отечественные записки. 1855. Т. СII. Отд. VI. С. 9.

³ Суслина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003. С. 174, 176.

⁴ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков. С. 202.

⁵ Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 119.

⁶ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 256.

⁷ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия) / сост. отшельник Мери-Хови. СПб., 1882. С. 114.

Лежит барыня на полатях
 Вся в платьях,
 Кто ни глянет –
 Тот плачет.
 (Лук в зимнее время)¹.

В первой её части, упоминание «барыни», лежащей на полатях в многочисленных платьях несомненно должно было вызвать у отгадчика ассоциацию богатой помещицы, проводящей время в праздности. Вторая же часть загадки, с конкретизацией «кто глянет, тот плачет», могла стать подсказкой для аллегорического сопоставления «барыни» с репчатым луком, хранившимся на полках.

Загадка, имеющая весьма похожую метафору:
 Сидит барыня на грядке,
 Вся в заплатках;
 Кто ни взглянет,
 Всяк заплачет.
 (Лук)².

В данной загадке «барыня» уже не на полатях, а на грядке, не в платьях, а в заплатках. На первый взгляд, здесь «барыню» можно отнести к продуктивной метафоре, не соотнося её с носителем конкретной сословной принадлежности. Но, вероятно, есть основания подойти к этому сюжету с другой стороны. Метафору «барыня» можно рассматривать в контексте внутрисословной дифференциации поместного дворянства, где барыни в заплатках, лаптях были реальной действительностью русской деревни, олицетворяя собой женскую половину низших подгрупп мелких помещиков. На юге России, в Малороссии в 50-60-е гг. XIX века обнищавшие дворянки нанимались батрачками на свекольные плантации местных сахарозаводчиков, нередко ночевали в поле так как, домой было возвращаться далеко³. Вообще вид мелкопоместных дворян, владевших несколькими десятинами, вызывал жалость у односельчан и проезжавших⁴.

Но установить точно, что вкладывали создатели загадки в метафору «барыня» здесь вряд ли представляется возможным. Хотя трудно отрицать возможную ассоциацию у крестьян «барыни» в заплатках с образом обнищавшей поместной дворянки, ставшей метафорой в рассматриваемой загадке.

В рассматриваемом контексте интересны загадки про помело. В сборнике народных загадок Д.Н. Садовникова их приведено 22, в 4-х из них метафорой помела выступает барыня, в одной – дворянин:

Под полом,
 По середой
 Стоит барыня (барин)
 С бородой⁵;
 Под полом, полом
 Стоит барыня с пером⁶;
 Под полом, полом
 Стоит барыня с хохлом⁷;
 Под полом, полом
 Стоит барыня с колом
 (Помело)⁸;
 Под полом,
 По середой
 Лежит дворянин с бородой.
 (Помело)⁹.

В примечаниях к данному сборнику В.П. Аникин, применительно уподоблений помелу барыни и дворянина, отмечает: «В нелестных уподоблениях помела барыни, дворянину сказались классово-насмешливое отношение крестьянина к господам»¹⁰. С этим утверждением можно частично согласиться. Уподобление помелу барыни в рассматриваемой загадке может выступать и в качестве продуктивной метафоры, не связанной с помещицей. Ведь в других загадках про помело,

¹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков. С. 201.

² Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 279.

³ Хлопов Н.А. Мужики-дворяне (Бытовой этюд) // Исторический вестник. 1903. Т. XCI. С. 1033.

⁴ Воспоминания В.С. Мышецкого // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. С. 884–885.

⁵ Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 59.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 273.

почти идентичным по форме вышеуказанным, метафорой помела выступают баба с бородой, баба гарусом, старик с гарусом, Федосья, растрепанные волосы, медвежья лапа и т.д.¹.

Отдельно здесь стоит остановиться на метафоре дворянина с бородой. Уподобление помелу дворянина явно носит саркастический характер, но оно могло относиться, с большей долей вероятности, только к мелкопоместной страте, где помещичья повседневность мало чем отличалась от крестьянской. Крестьяне презрительно называли таких помещиков «панками»², по-сути, не видя разницы между ними и собой. Подобное отношение подмечали и писатели, которые являлись свидетелями социальной деградации мелких помещиков. В частности, А.А. Потехин в романе «Бедные дворяне», вышедшем в 1861 г., описывает отношение крестьян к своему соседу-мелкопоместному дворянину: «Семейство Осташковых жило совершенно по-крестьянски, без всяких барских претензий и интересов; и хотя соседние мужики и называли владельца Охлопков баринном, но он даже и по наружному виду своему не отличался от крестьянина, а необходимость личного труда, работа плечо-о-плечо с простым мужиком и недостатки всякого рода сближали его с крестьянским бытом, между тем все возможные связи со своим сословием были потеряны и забыты»³. Если мелкий помещик находился на службе у более богатого помещного дворянина, то он вызывал презрение у своих крестьян. Применительно к пореформенному периоду А.Н. Энгельгардт приводит следующий пример: «Приехали ко мне как-то мужики покупать рожь на хлеб.

- Что же вы не покупаете у своего барина? – спросил я.

- Какой у нашего барина хлеб, наш барин сам в батраках служит.

И сколько презрения было в этих словах! Барин, из не богатых, действительно служит управляющим у соседнего помещика»⁴.

То есть, в народных загадках ирония и, отчасти, сарказм в отношении дворян не отражали социальные воззрения крестьян на все страты помещных владельцев. Представители среднего и крупного помещного дворянства обладали в глазах крестьян магией барского достоинства, сословной исключительности⁵. Мелкий помещик, который в своей повседневности еле сводил концы с концами, вызывал у них одновременно жалость и насмешку. Все вышесказанное, вполне, относится к загадкам:

Стоит барин в уголку,
Поднял ноги к потолку.
(Веник)⁶.

На поляне,
На кургане,
Подрались дворяне;
Не видать не костей
Ни мастей,
Только видно где дрались.
(Молотят)⁷.

Применительно к загадке о драке дворян, можно предположить, что молотьяба могла стать отражением повседневности мелких помещиков, приобретя форму метафоры, когда «панки» выясняли отношения друг с другом при помощи кулаков и мускульной силы своих немногочисленных крепостных крестьян. В этой связи Е.Н. Водовозова в своих воспоминаниях отмечает: «Там, где мелкопоместные жили в близком соседстве один от другого, они вечно сорились меду собой, взводили друг на друга ужасающие обвинения, подавали друг на друга жалобы властям...

...Нередко среди улицы происходили жесточайшие драки: я сама была свидетельницей одной из них в 1855 году. Две соседки, особенно сильно враждовавшие между собой из-за детей, ошпарили кипятком одна другую. Обе они кричали так, что все соседи начали выбегать на улицу и ну бросать друг друга камнями, обрубками, а затем сцепились и начали давать друг другу пинки, таскать за волосы, царапать лицо. Ужасающий крик, вопли, брань дерущихся и все усиливающийся лай собак привлекали на улицу все более народа... К двум враждовавшим сторонам прибежали их дети, родственники и крепостные... Драка сразу приняла свирепый характер, - это уже были два враждебных отряда: они бросились молотить один другого дубинами, ухватами, сковородами: не которые, сцепившись, таскали один другого за волосы, кусали»⁸.

Трудно представить подобное выяснение отношений между соседями – средними и крупными помещными дворянами, мировоззрение которых в корне отличалось от жизненных ценностей мелких помещиков. Еще один аспект указывает на то, что в загадке метафора связана с мелкими помещиками, это упоминание мастей при характеристике дворян. Отождествление дворян и лошадей является явным сарказмом, который, как правило, адресовался «панкам».

¹ Там же. С. 59.

² Борецкий А. Захудалое дворянство (Из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339–340.

³ Потехин А.А. Бедные дворяне // Сочинения. 1904. Т. 4. С. 40.

⁴ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 278–279.

⁵ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 16.

⁶ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 326.

⁷ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 151

⁸ Водовозова Е.Н. На заре жизни. В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 181.

Трансформация продуктивной метафоры «барыня» в аллегорию помещицы хорошо просматривается в следующих загадках о печи и её составных элементах:

Сидит барыня в амбаре,
Не свезешь её на паре.

(Печь)¹;

Сидит барыня на печке
В белой епанечке.

(Печная труда)².

В отношении суждения современного специалиста о метафоре в загадке о печке можно согласиться: «Сравнение печи с барыней характерно для насмешливо-иронического оклада крепостянского ума: печь и толста, и бела, и грузна – настоящая барыня. В таких сравнениях определенно сказывается классовый характер эстетических оценок народа»³. Это правда, трудно представить барыню загорелую, с поджарой фигурой и изможденной работой. Но, если это только не отнеслось к женщинам из низших страт помещиков. Данная метафора печки ассоциируются с помещицами из верхних страт своего сословия.

Загадка о печной трубе с метафорой «барыня» имеет примечательную географическую особенность. Местом её записи является Моложский уезд Ярославской губернии, с давними корнями крепостничества и обширным дворянским землевладением. В двух аналогичных по форме загадках о печной трубе метафорой последней вступает «баба». Загадки записаны в Архангельской губернии, где, фактически, не было дворянских имений⁴. У местных крестьян метафора «барыня» не выступает даже в качестве продуктивной. Налицо определенная местная традиция.

Близкие по форме, но разные по сути, в отношении вышерассмотренных загадок, относятся:

Сидит барыня на кочке,
Распустя височки,
Едит барин, дивуется:
«Пускай пуще раздуется».

(Редька)⁵;

Сидит барыня в ложе,
Свесивши ножки.

(Лапша)⁶.

Здесь аллегории редьки и лапши с барыней, вряд ли, имеют под собой однозначную иронию сословного характера, адресованную дворянам. В отличие от загадок про печь и речную трубу, с метафорой барыня, в рассматриваемых нет барской вальяжности («не свезешь на паре», «в белой епанечке»). Данные «барыни», скорее всего, выступают в качестве устоявшейся метафоры, наряду с продуктивными метафорами «сидит девица», «сидит баба», «сидит старуха» и т.д.⁷. Тем более, кочка и ложка не вяжутся с местом восседания истинной барыни. Ирония, касающаяся мелких помещиков и помещиц, как было показано выше имеет совершенно другую основу, граничившую с сарказмом, отчасти, оскорблением.

С устоявшейся метафорой «пан» можно связать загадку о горшке - «пане Гадамане»:

Жил пан Гадаман
Всех людей годовал,
Где упал,
Там пропал,
Никто костей не собрал.

(Горшок)⁸.

Загадка записана в Курской губернии и явно опосредована влиянием украинского народного творчества. Среди множества загадок о горшке нет ни одной с метафорой «барин», «боярин», «дворянин». Скорее всего метафора «пан» в данной загадке является отражением вежливого обращения к представителю свободного сословия, не обязательно из «благородных». Шутливая ирония в том, что «пан Гадаман» кормил многих людей, а разбившись оказался не кому не нужен.

Насмешливое отношение к представителям барства отражено в следующих загадках, но в них весьма трудно определить в адрес какой страты дворянства направлена ирония:

Под передом, передом
Сидит барин с бородой.
(Гребень и мочка)⁹;

¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 41

² Там же. С. 42

³ Там же. С. 266.

⁴ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 296.

⁵ Русские народные загадки, пословицы, поговорки. С. 67.

⁶ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 296.

⁷ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 104

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Там же. С. 88

Ходит барыня по городу,
Кричит она по золоту:
«Свет мое золото,
В белом платье завернуто!».
(Курица и яйцо)¹;
Барыня подкрашена,
Поперек подпасана,
А спина намазана.
(Колесо)²;
Купался барин на Черной
Речке и выкупался,
Вышел на берег и вымарался.
(Лодка)³.

Загадка о «Гребне и мочке» по форме близка загадке о «Помеле», метафорой которого выступает дворянин с бородой, лежащий под полом, но различны по сути. Помело предназначено для уборки мусора, «гребень - деревянный снаряд для расчёски льна и пеньки для приготовления мычек, кудели... мочка – куделя, лен на гребне»⁴. С точки зрения иронии, сарказма помело и гребень для расчесывания льна, вряд ли, сопоставима. К льну в крестьянской среде было особое отношение, что и подтверждает загадка:

Били меня колотили,
Во все чины производили,
На престол с царем посадили⁵.

Метафорическое сопоставление курицы, ищущей свое яйцо, с барыней основывается на аллегории яйца с золотом (яичный желток), где золото, богатство, в представлениях крестьян, являлось жизненной основой бар. Хотя наличие иронии здесь трудно отрицать, тем не менее, социальная суть данной метафоры сводит воедино барыню и золото. Золото, как символ богатства, в народном фольклоре было олицетворением несправедливости. Это отчетливо подтверждает пословица: «С золотым ключом во все двери входит»⁶, то есть, можно решать любые вопросы. В подтверждении этого тезиса можно указать на то, что из 8 загадок о курице, приведенных в сборнике Д.Н. Садовникова, только в одной есть метафора барыня, в привязке к аллегории золото.

Загадка о колесе с метафорой «барыня» подтверждает важность данного предмета передвижения в жизни крестьян. «Барыня подкрашена» - речь идет о крашеном колесе. «Поперек подпасана» - от глагола пасти – держать в целостности, не давать рассыпаться – говорится о спицах, вставленных в гнезде ступицы и в обод. «Спина намазана» - колесо с засохшими комками грязи⁷. То есть, колесо в телеге, сельхозорудиях и т.д. в исправном состоянии, на ходу, и явилось для крестьян «барыней». Другими словами тем, от чего, во многом, зависел крестьянский достаток и благополучие. Тем не менее, несмотря на важность колеса в крестьянской жизнедеятельности, метафора «барыня» может иметь устойчивый характер, подчеркивая определенную исключительность, вне рамок аллегории на социальную статусность. На это может указывать краткое причастие «намазана». Смысловая конструкция данной загадки не может быть и аллегорией мелкой помещицы, так как это отрицает роль и место колеса не только в жизни крестьян⁸, но и всего человечества.

Загадка про лодку, метафорой которой является барин, вышедший из реки и испачкавшийся, является видоизменённым отрывком из песни про бобра: «Купался бобер, купался черной, не выкупался, лишь вымазался, на горку взошел, отряхивался...»⁹. Здесь примечательной является метафорическая цепь: барин → лодка → бобер. На первый взгляд эта метафорическая цепь лишена логики. Но бобер в символике животных восточных славян олицетворяет жениха, а невестой выступают куницы, выдры и т.д.¹⁰ В северорусских песнях брачная символика бобра, как и некоторых других пушных зверей, редуцируется до темы бобрового меха как признак богатства. Жених, свадебный тысяцкий, сваха, дружки и т.п. одеты в бобровые меха¹¹. Отсюда становится понятной логика сопоставления бобра с барином и в меньшей степени барина с лодкой, исходя из сути приведенного отрывка народной песни. Но если только не исходить, что для лодки вода является естественной средой передвижения.

С устоявшимися метафорами «боярыня», «барынька» связаны загадки про иглу:

¹ Там же. С. 124

² Там же. С. 129

³ Там же. С. 180

⁴ Там же. С. 283

⁵ Там же. С. 157

⁶ Пушкирев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII – XVIII веков. М., 1994. С. 50.

⁷ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 294.

⁸ Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. М., 2012. С. 58,65.

⁹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 311.

¹⁰ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 213.

¹¹ Там же. С. 214.

Маленькая боярыня
 Весь мир покручивает.
 Маленькая барынька
 Всех одевает¹.

В них вряд ли, метафорическое сопоставление подразумевает какую либо сословную особенность. Здесь, скорее всего, особо подчеркивается в быту роль простой иглы, которая для домашней хозяйки имела огромное значение. Важность предмета и была акцентирована указанными метафорами.

Несомненная ирония присутствует в загадке:
 Маленькая барынька
 В полночь разбудила
 (Блоха)².

Блоха «барынька» имеет «привилегию» будить любого в полночь. То есть, то, что другим не позволительно.

В этом же ключе построена смысловая конструкция загадки:
 Через быка и барина
 Свинья лен тащит.
 (Подмётка подшивается
 в валенке льняной ниткой
 со щетиной)³.

Наличие валенок в семье свидетельствовало о её достатке. Валенки были редкостью не только в крестьянских семьях, где лапти были повсеместной и повседневной обувью, но и у большей части низших подгрупп мелких помещиков. Они, как и крестьяне, ходили в лаптях⁴. Поэтому не удивительно, что метафорой валенок выступает барин.

Едва уловимая ирония присутствует в загадке:
 Сидела барыня у окошка,
 Мимо неё прошел длинный Антошка.
 (Дождь)⁵.

Из трех загадок про дождь, представленных в сборнике Д.Н. Садовникова, только одна имеет персонификацию смотрящей на «Антошку» - дождь. Ею представлена барыня, сидящая у окошка. То есть, не включенная в дела по домашнему хозяйству, а праздная. Здесь не обязательно искать сословный аспект, барыня в этой загадке может выступать и в качестве устоявшейся метафоры.

Типичным примером устойчивой метафоры «барыня» может служить загадка «Под полом (мостом) ходит барыня с колом» с 10 вариациями, где в качестве отгадки выступают – кошка, мышь, собака⁶.

Во всех 41 рассмотренной загадке (с вариациями) ирония в адрес барыни, барина имеет внутреннюю смысловую границу, разделяющую колючий сарказм и добродушную насмешку. Граница эта весьма подвижна и не всегда уловима. Тем не менее, в отдельных загадках это ярко выражено. Нет сомнения, что в загадке:

Под полом,
 Под середой
 Лежит дворянин с бородой
 (Помело)⁷

метафора помела «дворянин» характеризуются с позиций язвительного сарказма, а в загадке:

Сидит барин в амбаре,
 Не сvezёшь её на паре
 (Печь)⁸

метафора печи «барыня» отличается легкой иронией.

Исследователи весьма редко обращаются к народным загадкам в качестве исторического источника. В загадках, фактически, не отражаются социальные отношения, исторические события. Тем не менее, при определенном подходе народные загадки могут стать ценным источником при анализе крестьянской психологии, воззрениях крестьян на природу помещичьей власти. В частности, через анализ спектра народной иронии в адрес барина (барыни), посредством метафорических уподоблений. Эти метафоры и отражают сложные, противоречивые ассоциации барской власти в крестьянских представлениях.

¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 91.

² Там же. С. 199.

³ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 307.

⁴ Вернер И.А. Землевладение и земледелие в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 55.

⁵ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. С. 259.

⁶ Там же. С. 59, 122, 123.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 41.

Библиография

- Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2004.
- Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. М.: Вузовская книга, 2012.
- Борецкий А. Захудалое дворянство (Из летних экс курский) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339-353.
- Вернер И.А. Землевладение и земледелие в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 54-73.
- Водовозова Е.Н. На заре жизни. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1.
- Воспоминания В.С. Мышецкого // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. С. 878-905.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д.Н. Садовников. М.: Terra, 1996.
- Ивановский-Елецкий. Провинциальные типы // Отечественные записки. 1855. Т. СII. Отд. VI. С. 1-16.
- Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М.: Наука, 1979.
- Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М.: Дрофа, 2004.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков / ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.-Л.: Академия наук СССР, 1961.
- Потехин А.А. Бедные дворяне // Сочинения. СПб.: Просвещение, 1904. Т. 4.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
- Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII – XVIII веков. М.: Наука, 1994.
- Руан Кристин. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700-1917. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Русские народные загадки, пословицы, поговорки / сост. Ю.Г. Круглов. М.: Просвещение, 1990.
- Рыбникова М.А. Загадки. М.-Л.: Academia, 1932.
- Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия)/сост. отшельник Мери-Хови. СПб.: Губернская типография, 1882.
- Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Московский университет, 2007.
- Суслина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Толстой И.И. Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии // Статьи о фольклоре. М.-Л.: Гаука, 1966. С. 73-79.
- Хлопов Н.А. Мужики-дворяне (Бытовой этюд) // Исторический вестник. 1903. Т. XCI. С. 1030-1036.
- Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986.
- Чичеров В.И. Русское народное творчество. М.: Московский университет, 1959.
- Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1908.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

References

- Anikin V.P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. M.: Vysshiaia shkola, 2004.
- Belovinskii L.V. Istoriia russkoi material'noi kul'tury. M.: Vuzovskaia kniga, 2012.
- Boretskii A. Zakhudaloe dvorianstvo (iz letnikh eks kurskii) // Russkaia mysl'. 1882. Kn. XII. S. 339-353.
- Verner I.A. Zemlevladenie i zemledelie v Kurskoi gubernii // Russkaia mysl'. 1887. Kn. IV. S. 54-73.
- Vodovozova E.N. Na zare zhizni. V 2-kh t. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1987. T. 1.
- Vospominaniia V.S. Myshetskogo // Istoricheskii vestnik. 1896. T. LXVI. S. 878-905.
- Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii. M.: Indrik, 1997.
- Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach / sost. D.N. Sadovnikov. M.: Terra, 1996.
- Ivanovskii-Eletskii. Provintsial'nye tipy // Otechestvennye zapiski. 1855. T. SII. Otd. VI. S. 1-16.
- Korelin A.P. Dvorianstvo v poreformennoi Rossii. 1861-1904. M.: Nauka, 1979.
- Kostiukhin E.A. Lektsii po russkomu fol'kloru. M.: Drofa, 2004.
- Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII-XX vekov / red. M.Ia. Mel'ts, V.V. Mitrofanova, G.G. Shapovalova. M.-L.: Akademiia nauk SSSR, 1961.
- Potekhin A.A. Bednye dvoriane // Sochineniia. SPb.: Prosveshchenie, 1904. T. 4.
- Propp V.Ia. Fol'klor i deistvitel'nost'. M.: Nauka, 1976.
- Pushkarev L.N. Dukhovnyi mir russkogo krest'ianina po poslovitsam XVII – XVIII vekov. M.: Nauka, 1994.
- Ruan Kristin. Novoe plat'e imperii: istoriia rossiiskoi modnoi industrii, 1700-1917. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Russkie narodnye zagadki, poslovitsy, pogovorki / sost. Iu.G. Kruglov. M.: Prosveshchenie, 1990.
- Rybnikova M.A. Zagadki. M.-L.: Academia, 1932.
- Sbornik poslovits, pogovorok, primet i proch. (Russko-narodnaia filosofii) / sost. otshel'nik Meri-Khovi. SPb.: Gubernskaia tipografiia, 1882.
- Sokolov Iu.M. Russkii fol'klor. M.: Moskovskii universitet, 2007.
- Suslina E.N. Povsednevnaia zhizn' russkikh shehegolei i modnits. M.: Molodaia gvardiia, 2003.
- Tolstoi I.I. Invektivnye pesni atticheskogo krest'ianstva v drevnei komedii // Stat'i o fol'klоре. M.-L.: Nauka, 1966. S. 73-79.
- Khlopov N.A. Muzhiki-dvoriane (Bytvoi etiid) // Istoricheskii vestnik. 1903. T. XSI. S. 1030-1036.
- Chistov K.V. Narodnye traditsii i fol'klor. L.: Nauka, 1986.
- Chicherov V.I. Russkoe narodnoe tvorchestvo. M.: Moskovskii universitet, 1959.
- Shneider V.P. Pamiati Ol'gi Petrovny Semenovoi. SPb.: Tip M.M. Stasiulevicha, 1908.
- Engel'gardt A.N. Iz derevni. 12 pisem. 1872-1887. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.